

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 15
(2538)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья Т. Воеводиной «Работать? Ни-ни!», опубликованная на сайте газеты «Завтра», 17.01.2025 г.
URL: https://zavtra.ru/blogs/rabotat_ni-ni

Вологда
январь 2025

Работать? Ни-ни!

общество массового благосостояния породило массовую прослойку неработающей молодёжи

*С а т и н. Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна, –
я, может быть, буду работать... да. Может быть! Когда труд –
удовольствие, жизнь – хороша! Когда труд – обязанность,
жизнь – рабство!*

М.Горький. На дне.

Их много, их уже столько, что даже ООН озаботилась. (Впрочем, это специальность ООН – выражать всякие озабоченности). Они – это молодые люди, которые не учатся и не работают. Они уже обрели терминологическое название – английское NEET (Not in Education, Employment or Training), иногда их называют ni-ni – надо полагать, от испанского ni trabajo, ni estudio.

По данным Евростата, уровень безработицы (правильнее сказать – незанятости, потому что безработный – это тот, кто ищет работу) среди молодежи до 25 лет в странах ЕС – 14,6%. А, к примеру, в Испании, как сообщает газета «Эль Конфиденсиаль», нет занятия у каждого четвертого молодого человека. По данным Банка Италии, в стране насчитывается почти 2,2 млн молодых «ни-ни» – это 23 процента от всей молодежи страны. Выходит, почти каждый четвертый молодой итальянец не учится и не работает. (Впрочем, несколько зная итальянские деловые нравы, могу предположить, что за этой цифрой отчасти маскируется неофициальная занятость, особенно в семейном и малом бизнесе: там это самое обычное дело).

Другие страны тоже демонстрируют впечатляющую статистику: в Колумбии, Турции, ЮАР ни-нишек якобы 24%, в Грузии целых 42%, а вот в Казахстане почему-то всего 7. У нас якобы 8,7%. (Меня неизменно умиляют эти десятые доли процента при общей точности измерения плюс-минус лапоть). А вот в Нидерландах, Норвегии, Исландии – ни-нишек всего 1-3%. Не иначе как там наблюдается какой-то тайный экономический бум, в который вовлечены молодые труженики. А может, всё проще: там меньше распространена теневая занятость.

Праздная молодежь вообще-то существовала и раньше, но сегодня их, похоже, стало существенно больше, и они начинают ощущать себя общественным явлением, почти политической силой: организуются, проводят мероприятия, требуют от общественности и начальства внимания к себе и своим проблемам. Словом, выражаясь на гегельянски-марксистский лад, превращаются из бездельников в себе в бездельников для себя.

Уже поднялось политико-публицистическое квохтание, как помочь делу, решить назревшую проблему и т.д. *«Только совместными усилиями государства, бизнеса, образовательных учреждений и самих молодых людей можно преодолеть кризис «ни-ни» и создать условия для полноценной самореализации нового поколения. Это позволит не только решить текущие*

проблемы на рынке труда, но и обеспечить устойчивое развитие экономики и общества в долгосрочной перспективе», – пишет в сети некий автор, сильно смахивающий на ГРТ.

Но прежде, чем чему-то помогать, надо понять, что ЭТО собой представляет. Попробуем.

«Кто вы такая, откуда вы?»

Ни-нишки, которые, как многим кажется, возникли прямо сейчас, на самом деле ведут свою родословную примерно с 60-х годов XX века. Но тогда это был доклинический этап социальной болезни. Причин две: материальная и духовная.

Начнём с материальной. Тогда в странах первого мира случилось то, чего не было никогда в истории и нигде на свете – возникло общество массового благосостояния. Ну, не всеобщего, конечно, «всеобщее благосостояние» – это пропагандистский термин, но – массового. Простые трудящиеся люди стали жить достаточно зажиточно. Это примерно 2/3 населения. То был тектонический социальный сдвиг. Такого человечество не знало со времени изгнания из Рая.

До этого нормой жизни простолюдинов была бедность. И повседневная напряжённая борьба за кусок хлеба. Простая повседневная сытость уже была жизненным достижением для простого человека на протяжении веков и тысячелетий. Так было во всех – подчёркиваю: всех! – странах мира. Перечитайте под этим углом зрения реалистическую литературу от Гюго и Диккенса до Ремарка и Драйзера, почитайте «Римские рассказы» 50-х годов итальянского писателя Альберто Моравиа – и вам всё станет ясно.

Совершенно естественно, что в те времена отроку в 15-16 лет говорили: «Довольно, Ванюша, гулял ты немало, пора за работу, родной», и он шёл на завод, в лавку, в мастерскую. Не потому, что очень этого хотел, не потому, что это его долг, не потому что труд облагораживает, а по банальной причине – чтобы прокормиться. Он особо и не рассуждал: рассуждали о пользе труда разве что праздные чеховские интеллигенты. А пролетарии всех стран (и примкнувшая к ним мелкая буржуазия) просто шли работать. В университетах учились немногие, это было не массовое занятие. А норма – это работа. Начав работать, молодой человек становился взрослым. Никакой молодёжи как особого социального слоя со своим образом жизни, субкультурой, проблемами – в старые времена не было: были дети, которые ещё не работали, и взрослые, которые уже работали. Безработица ощущалась как несчастье.

И вот всё дивно переменялось. В обществе массового благосостояния стало возможно жить без работы, в семьях завелось больше денег и гораздо меньше детей: одного-двух родители могли так или иначе прокормить. Именно тогда – очень кстати – случился демографический переход: детей стало гораздо меньше.

Тут же возникли молодёжные проблемы, молодёжные эксцессы, молодёжные протесты и т.п. Сформировалась целая молодёжная субкультура, которой прежде не было. Потребовалась молодёжная политика, на которой шустрые люди делали политические карьеры. Это порождение богатого общества: оно может себе всё это позволить.

Молодые протестовали, демонстрировали, отращивали патлы и потребляли предосудительные вещества. Движение хиппи – это, наверное, самое живописное явление этого ряда, но вовсе не единственное. Бывают бездельники громкие, вроде тех, что сегодня жгут в Париже машины, а бывают – совсем тихие, которые просто сидят себе по домам и пялятся в монитор, вроде японских хикикомори. Но при всей взаимной непохожести их объединяет одно: они не имеют нужды работать, чтобы прокормиться.

В богатых странах бездельникам дают пособия, которые только увеличивают число тунеядцев. Эту фундаментальную закономерность открыл ещё «поп Мальтус» в начале XIX века: всякая раздача помощи бедным увеличивает их количество.

Что пособия любого рода развращают – это заметил и народолюбивый Лев Толстой. Пособия деформируют традиционную и целесообразную картину мира, в которой человек должен сам зарабатывать свой хлеб. Тогда, в 1891г, в некоторых губерниях случился неурожай, вызвавший голод. Правительство и общественность старались помогать голодающим, в чём участвовал и сам Толстой. По итогам он написал статью «О голоде», где показал, что определить, кому действительно нужна, а кому не нужна помощь и даже кто истинно голодает – не так-то просто. При этом пособия – любые – развращают.

«Веками, поколениями выработались в людях приемы приобретения богатств и средств к жизни и суждения о достоинстве различных приемов! Приобретать трудом хорошо, похвально, без труда – дурно, стыдно. И вдруг является способ приобретения без труда, не подлый и не имеющий в себе ничего предосудительного. Очевидно, какую путаницу в понятиях производит такое появление нового способа приобретения. И то, что раздача пособий крестьянам считается заимообразною, не изменяет дела: крестьяне знают, что отдачи не может быть».

Далеко глядел граф Толстой! Тогда и пособий-то толком не было, а он уже понял: это – орудие развращения. Как и любые незаработанные блага.

В СССР бездельничать было затруднительно, и вовсе не по причине ст.209 УК РСФСР «Тунеядство», как многие сегодня думают. Да, статья такая была, но главным было то, что жить, не работая, в СССР было просто материально затруднительно, почти невозможно. Не допускалась никакая рента – т.е. жизнь на прошлые доходы. Нельзя было иметь несколько квартир и их сдавать, не было финансовых инструментов, позволяющих делать деньги из денег, процент по вкладам в Сберкассе (предтеча Сбера) был, кажется, 2%. Словом, признавались только доходы от сегодняшнего, текущего труда. И подавляющее большинство жило именно на текущие заработки, откладывая понемногу на большие покупки. Всякие другие доходы назывались нетрудовыми и осуждались. А советские люди назывались «трудящимися», т.к. предполагалось, что все они трудятся. И они, в самом деле, трудились. И страна наша называлась «государство трудящихся».

Однако самый факт возникновения статьи о тунеядстве именно в 60-е годы (1961) говорит о том, что и в СССР именно к этому времени накопился определённый социальный жирок, делающий возможным как-то изловчиться и жить без труда.

Вообще-то, когда я училась в Московской юридической академии (ныне Московский юридический университет им. Кутафина), старые юристы говорили, что статья эта редко применялась сама по себе, т.к. за всеми не уследишь, кто работает, а кто нет. А вот если кто-то, положим, нахулиганил и выясняется, что он ещё и тунеядец – вот тут могли и наказать по всей строгости с учётом тунеядства. Тунеядская статья служила некой острасткой для потенциальных бездельников.

Когда говорят о 209-й статье – непременно вспоминают поэта Бродского, которого по ней выслали из Ленинграда в какой-то совхоз и – о ужас! – заставили там работать (!!!), и это было угнетательно, несправедливо, тоталитарно. Мне же думается, что Бродскому очень повезло, притом вдвойне. Во-первых, мощный пиар, на который обратила в своё время внимание Анна Ахматова: даже те, кто не читал стихов Бродского, знают об этом происшествии. А во-вторых, нет ничего полезнее для литератора, чем участие в общем труде своего народа. «Если б я была царица», я бы приказала всем писателям, журналистам, публицистам, аналитикам и т.п. три дня в неделю работать в реальном секторе экономики, а в остальное время – сочинять свои произведения. Уверена: качество их изделий возросло бы несказанно.

Но этого, разумеется, нет и не предвидится, а после падения советской власти работа стала частным делом каждого, а безделье – вовсе не предосудительным образом жизни. Тем более, что именно так и обстоит дело *во всех нормальных странах*, с которых брали пример. Все возмечтали о «пассивном доходе», особый престиж приобрела профессия рантье: «Мы сидим, а денежки идут», как говорилось в давней рекламе. Количество незанятых в рабочем возрасте прогрессивно возрастало.

Повторюсь: в каких-то формах и размерах безделье, безусловно, существовало и прежде, однако именно общество *массового* благосостояния породило *массовую* прослойку неработающей молодёжи. Отметим ещё один факт: имитативное обучение во всякого рода имитативных вузах – это камуфляж той же незанятости.

Вот какой длинный путь прошли ни-нишки до сегодняшнего дня, когда их признали общественным явлением.

Панская хвороба

Иногда безделье объясняется распространением новых недугов, которых в прежнее время не было или было несравненно меньше. Да и сами ни-нишки очень часто ссылаются на свои хвори: не могу-де работать, здоровье не позволяет.

Они и впрямь часто больны какой-нибудь модной болезнью: СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности, БАР – биполярным аффективным расстройством, РАС – расстройством аутического спектра. Иногда эти диагнозы им щедрой рукой отсыпают в раннем детстве, иногда они ставят их сами или с помощью друзей и соратников по безделью. Всё это лишний раз доказывает, что работать им трудно, почти невозможно.

Вот, например, одному нашему юному соседу, приятному, симпатичному парню, ещё в начальной школе был поставлен диагноз: дисграфия. Это значит, что он органически не может выписывать буквы. Мне лично кажется, что его просто не учили толком, он не попал в руки такой замечательной учительнице, какой была моя бабушка, которая учила всех без изъятия и не требуя никакой дошкольной подготовки. Но это было в тоталитарном «совке», а в демократической России юнец, кое-как окончив школу, болтается без толку, неся свою дисграфию, точно медаль. Научный медицинский диагноз даёт ему индульгенцию ото всякого жизненного напряжения. Тем более, что семье досталось от предков несколько квартир, которые сдают и тем содержат себя и недоросля.

Если раньше, до эпохи универсального прогресса и прав человека, иметь психиатрический диагноз считалось как-то неловко, то теперь стало неловко его не иметь: вроде как ты отсталый и вообще совок голимый. Молодые и на вид крепкие ребята ходят к психологам, неврологам, психоаналитикам, гештальт-терапевтам и прочая, прочая, прочая, глотают таблетки, борются с навязчивыми состояниями и паническими атаками. А в таком положении – какая же работа? Знамо дело – никакая, да и некогда работать.

Прямая связь между занятостью и здоровьем и соответственно незанятостью и болезнью была отмечена очень давно.

Вот герой «Войны и мира» князь Андрей Болконский приезжает к старику-отцу.

«– Как здоровье ваше?»

– Нездоровы, брат, бывают только дураки да развратники, а ты меня знаешь: с утра до вечера занят, воздержан, ну и здоров».

Я понимаю, в этом содержится некоторое преувеличение, однако тут есть и большая правда. Повседневная занятость посильным и нужным трудом – мощный фактор оздоровления, особенно при душевных недугах. На этом основан эффект трудотерапии. А современные люди даже в магазин всё меньше ходят и домашнюю уборку всё чаще возлагают на клининговые компании. Поэтому у них есть много времени и сил, чтобы прислушиваться к своим ощущениям, культивировать мельчайшие недомогания, делиться на форумах известиями о болезнях и лечениях, бесконечно искать в своей назадачливой судьбе следы *токсичной матери* и с помощью психолога изживать её зловерное влияние.

Когда-то целый фрейдизм родился и вырос на оказании психологических услуг скучающей венской буржуазии. Сегодня вследствие роста благосостояния скучающих стало несравненно больше, и рынок таких услуг сильно расширился. Футурологический прогноз Сбера на 2035 г. обещает рост рынка психического здоровья на 40% по сравнению с 2020 г.

Моя западноукраинская бабушка называла этот класс заболеваний на польско-украинский лад – панская хвороба. Лечится панская хвороба простым способом – необходимостью повседневного труда. Не просто трудом, а трудом необходимым и безальтернативным, который нельзя бросить, от которого нельзя отвертеться, отложить на потом. А поскольку у панов и бар

такой необходимости нет и работать им не обязательно – ну и болезни тут как тут. Панская хвороба прогрессивно расширяет свою социальную базу по мере распространения благосостояния.

Главное в распространяющемся безделье – это его материальная база: без труда прожить в наши дни возможно. Не блистательно, но возможно.

Есть у безделья и второй аспект – духовный. Он не менее важен, чем материальный; вместе они образуют разрушительную синергию.

Об этом во 2-й части.

Татьяна Воеводина